



Александр ШИШОВ

СТАРШИЙ БРАТ

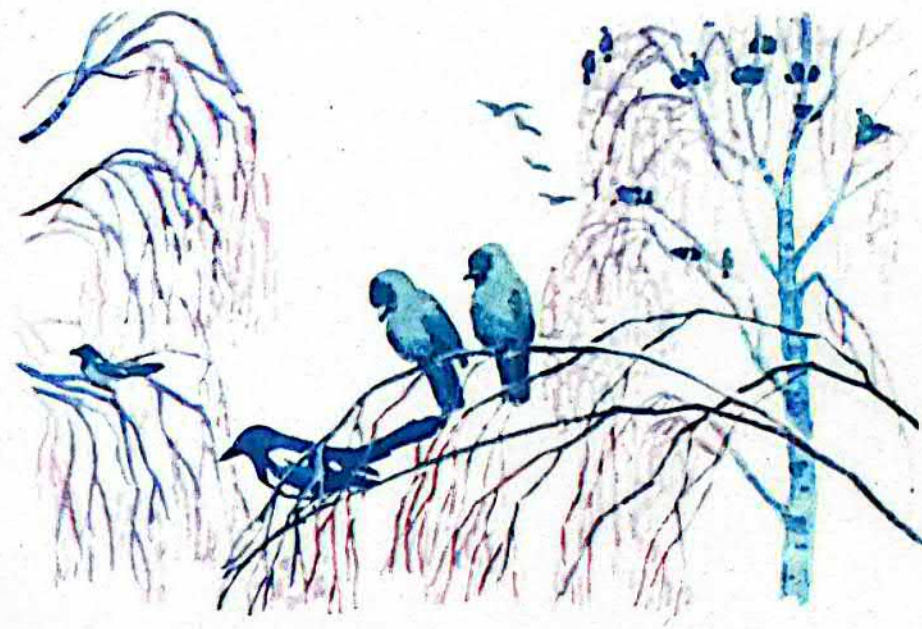
74-7
536

Александр ШИШОВ

СТАРШИЙ БРАТ



ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
Москва — 1974



КОМЕЛЁК

Вчера и сегодня с неба лился такой яркий свет — не взглянуть на солнце. Вокруг все изменилось: побуревший, а затем почерневший снег теперь держался только лишь в тени между заборами да в глубоких оврагах. На стремнинах вначале глухо, подспудно, а затем, вырвавшись наружу, со всей силой запенилась и зашумела вода.

На время паводка ребят распустили на короткие весенние каникулы.

Митя Комелёк — так его прозвали в школе (ростом мал, да в кости широк и крепок) — оставил дома ранец, надел плохонькую тужурку, фуражку, шапка была уже не нужна, и побежал к отцу на колхозную конюшню.

Отец поджидал его.

Они выпустили в загон жеребят-стригунов и стали обрабатывать их скребницами. А галки и сороки тут как тут: с налета подхватывали хлопья шерсти и уносили в гнезда.

Земля в загоне, убранный под метелку и посыпанный желтым песком, подсыхая, курилась. Мите не впервые помогать отцу на бригадной конюшне управляться с лошадьми. Полюбил он это нехитрое дело.

В сумерки они зажгли свет. Обошли стойла лошадей. Вдвоем быстро роздали корм. Отец, тяжело дыша, прилег в тамбуре на умятую солому, а Митя, открыв колодец, стал качать воду. Железный рычаг легко ходил в его руках, но все же жаркая испарина выступила на лбу.

После и Комелёк устроился рядом с отцом. Домой идти по грязи не хотелось. Мать, наверное, уже спит. Сестренки тоже. Закинув за голову руки, он вспомнил о своем товарище-однокласснике: сегодня Сашок поленился, не захотел почистить подшефного Вьюна.

Сон смежил глаза. Все поплыло, все терялось из вида, но лошади были где-то рядом. Вот они хрупают сухим клевером, отфыркиваются: клевер-то с пылью, бьют копытами... Бьют... бьют... Нет, это не лошади. Кто-то с улицы стучит.

— Кто там, кто? — приподнявшись, тревожно спросил Митя.

Но отец уже отодвинул засов, приоткрыл ворота, впустил женщину, повязанную кое-как серым платком. Женщина плакала.

— Настенька у меня умирает. Вот беда-то! За врачом бы. Кого просить — не решусь...

Митя узнал свою учительницу Ирину Петровну. Она стояла под притолокой в неясном свете ночного фонаря, кусала губы и утирала слезы. У него больно сжалось сердце.

Отец, застегивая на себе теплый ватник, сказал:

— Зачем такой разговор: кого просить, коль вы, Ирина Петровна, пришли на конюшню. А куда же идти? На машине сейчас тем более не сунешься...

Они распахнули ворота.

— Пап, а может, я? — выйдя на свет, сказал Митя. — Только доверь мне Бантика, я мигом. Ты ведь хворый...

— Дорогу-то в Острецы знаешь?

— Найду.

— Время-то ночное, да еще паводок...

— Бантик выручит.

— Лошади умны на вожжах, — не в словах, а в голосе отца послышалось согласие.

Они быстро запрягли молодого меринка. Бросили в дрожки охапку овсяной соломы — все помягче, чем ржаная, на солому дерюжку. Ирина Петровна смахнула слезы и теперь смотрела на Митю как на спасителя. Советовала, где лучше объехать овраги, потоки и вышедшие из берегов ключевины.

День был светел и тепел, зато весенняя ночь темна, сыра и холодна. В селе Митя Комелёк остановил лошадь, подумал и завернул к дому своего дружка. «Товарищ с тобой — половина дороги» — так посоветовал ему отец. Постучался в крыльцо.

— Мне бы Сашу. Случай тут вышел такой... Ехать нужно за врачом.

В доме зашевелились. Саша поднялся на своей кровати, открыл глаза. Поежился от холода, принесенного с улицы Митей, и опять глаза закрыл. А голова сама никла к подушке.

— Собирайся скорее. В Острецы поедem. Бантик у крыльца ждет. Он нас понесет с ветерком...

Не открывая глаз, Саша повернулся на другой бок, нащупал одеяло и потащил его на голову.

Митя сунул холодные руки ему под рубашку.

— Понимаешь, у нашей Ирины Петровны ребенок заболел сильно. Врач нужен. Вставай...

— Не хочу, ведь сказал...

Саша пытался было отбиться локтями. Между ними шла борьба втихую, чтобы не слышали взрослые.

— Не поеду. Не приставай!

Митя Комелёк рассердился:

— Товарищ ты мне или нет? Хочешь, чтобы я с тобой дружил? Хочешь? — Он взял Сашу за плечи и рывком посадил на постели.

Саша больше не сопротивлялся, промычал что-то,

протер кулаком глаза, сладко причмокнул губами, словно ему в рот положили леденец.

— До утра бы...

— Надо скоро. Учительница просит, — ответил Митя, помогая дружку надевать сапоги, пальто и шапку.

Домашние Сашу не удерживали: раз пришел к нему Комелёк и ребятам доверяют хорошую лошадь — значит, так нужно.

Бантик и впрямь понес их с ветерком. В ушах засвистал и заиграл холодок, вмиг прогнав сон и позевоту. Из-под ног лошади во все стороны полетели ошметки земли.

— Э-эй, милый, прибавь ходу! — покрикивал Митя, не ослабляя вожжей.

Ногами он упирался в головицу дрожек. Саша одной рукой держался за грядицу, а другой то и дело поправлял на голове шапку, наплывавшую ему на глаза. Собирались-торопились, шапка-то попала не своя — дедушкин треух.

Луна мягко освещала им дорогу. По сторонам лежали поля, набрякшие влагой. Проселок, изрытый колеями, вилял то вправо, то влево — знай поглядывай, зазеваешься, прикусишь язык.

В полумраке, словно запоздавшие путники, встречались одинокие, нахохлившиеся деревца. Они смутно кружились и вертелись в темноте. Ночью всегда что-нибудь чудится: елка обернется медведем, кусты — волками.

Проехали километров пять, и меринок с ходу вдруг стал. Повозку передернуло. Дружки, сидевшие рядом, больно стукнулись головами. Митя Комелёк быстро соскочил и сунулся под передние ноги лошади.

— Вот оказия, моста нет!

Подъехали ребята к тем самым ключам, о которых говорила Мите учительница. Вода здесь бурлила и пенилась, заливала луговину. Низенький, из нескольких неотесанных плашек, мосточек подмыло и унесло течением.



- Что будем делать?
- В объезд надо, на Лысиху, — посоветовал Саша.
- Думаешь, там лучше?
- Думаю.
- А время! Не за дровами едем...

Митя Комелёк пролез под мощной грудью лошади. Нащупал рукой клешни хомута — не разошлись ли, хорошо ли затянута супонь.

— Пустим Бантика напрямую. Он умный, пройдет. А воды здесь по колено, не больше.

— Ну что же, пускай.

Они прочно уселись на дрожках, подобрали под себя ноги. Саша поправил на голове треух. Митя потянул вожжи и ободряюще крикнул:

— А ну, Бантик, давай вперед!

Лошадь попятилась было назад. Пригнув голову и всхрапнув, стала бить передней ногой по оттаявшему камню.

— Не бойся, здесь не глубоко. Но-но! — крикнул и Сашок.

Бантик ринулся в воду. Ключи оказались значительно глубже, чем предположил Митя. Холодной водой обдало седоков.

Когда лошадь взмыла по ту сторону на берег, ребята облегченно вздохнули. Перетряхнув солому и дерюжку на сиденье, двинулись дальше. Они спешили. Но вскоре очутились на каком-то косогоре. И луна изменила им — скрылась за облаком.

Голые березы, осины по обочинам дороги уже не замечались. Дрожки накренились и чуть было не опрокинулись.

— Правь хорошенько, — забранился Саша.

— Чего же тут править, дороги-то нет.

— Куда же она делась?

— Утерял Бантик, сбился.

— Вот мой бы Вьюн шел вернее, — не упустил случая похвалиться своим подшефным меринком Саша.

— А что у твоего Вьюна глаза, как у кошки, что ли?

Они поспорили. Митя уступил Сашку вожжи. Тот стегнул лошадь по крупу, присвистнул и ожесточенно замахал кнутом. Бантик пошел еще проворнее, но скоро

совсем стал: вытянув шею и отбивая копытами, захрапел, как на подъеме с возом.

— Останови. Он же через силу идет, — сказал Комелёк и прыгнул с дрожек.

И как прыгнул, так и завяз.

— На пашню попали, в суглинки. Ноги не вытянешь!

Слез и Саша. Колес дрожек не было видно. На них столько налипло глины, что они уже не катились, а волклись.

— Давай очищать.

— Чем же?

— Ну, чем-чем...

Митя оказался более практичным: раздвинул в дрожках солому, отодрал со дна доску, расщепил ее надвое, и они с усердием принялись за дело. Запачкали в глине руки, лицо и одежду, но в темноте не было видно.

С трудом передвигая ноги, Митя Комелёк ушел вперед искать дорогу. Издали крикнул:

— Э-эй!

— Эй... — ответил Сашок.

— Давай сюда. Будем пробираться межником.

Саша поправил на голове треух, повел Бантика в поводу на голос Мити. С межника они выехали на хорошую грейдерную дорогу с телеграфными столбами. Там дело пошло спорее. Над их головами загудели и заиграли, словно струны, провода. Бантик обрадовался легкой дороге: на ветру, под высокой дугой, только лишь развева-лась его густая грива.

Через какие-нибудь полчаса они были уже в Остречах, перескочив многоводную реку Тезу высоким, в четыре пролета, мостом, освещенным электрическими фонарями.

Саша пошел в больницу, а Митя остался с лошадей у коновязи.

— Постой, вернись! — крикнул Митя.

Тот в недоумении вернулся.

— Давай сюда твой треух, а то испугаешь там людей.

Саша снял с головы товарища кепку, а ему с радостью отдал дедушкин треух.

Комелёк долго ждал. «Где он там? Найдет ли врача?»

Глухая, темная ночь. Все, наверное, спят. Вот ты спеши, старайся, как бы поскорее, а время само набежит».

Бантик продрог. Дерюжка, которую ребята набросили ему на взмыленные бока и спину, не согревала. Отец Мите говорил: «Остудишь лошадь или напоишь горячую — испортишь, запалишь». Вспомнив это, он сел в дрожки и под слабо освещенными окнами больницы стал ездить по кругу.

— Грейся, Бантик, грейся... — разговаривал с лошадью Митя, поглядывая на ломавшуюся то сзади, то с боков тень.

Наконец Комелёк услышал с открытой веранды веселый голос Сашка:

— Подавай сюда!

Митя быстро развернулся. На ступеньках веранды, тепло одетая, с чемоданчиком в руках стояла готовая к выезду женщина-врач.

— Здравствуйте, Лидия Григорьевна! — сдернув с головы треух, сказал Митя.

— Откуда вы меня знаете? — спросила врач, приглядевываясь к повозке, на которой ей придется путешествовать ночью.

— В школе когда-то вы нам от кори прививку делали, — пояснил Саша.

— Ах, вот оно что! Ну, теперь и я вас вспомнила...

Ребята перевернули в дрожках подстилку, нашли еще какой-то клочок сухой соломы. Лидия Григорьевна, усевшись в задок дрожек, поставила себе в колени чемоданчик.

— К больному надо, мальчики, ехать скорее, — сказала она.

— Поедем как следует... — ответили Митя и Саша.

Бантик будто бы понял их разговор. Когда миновали мост через Тезу и под ногами он почувствовал укатанный шлак, полетел словно вихрь, высекая острыми подковами из камней искры.

Легкие дрожки подпрыгивали и металась из стороны в сторону.

Облака рассеялись, и луна вновь им освещала путь.

Лидия Григорьевна, цепко держась за грядицы и оберегая чемоданчик, заметила: ребята, сидя на перед-

ке, о чем-то меж собой говорили с большой тревогой. Спросила:

— О чем вы там спорите?

— Ни о чем, так... — ответил Митя. — Сейчас на проселок сворачивать. А вы, что же, боитесь?

— Нет, я с вами не боюсь, — ответила врач.

Митя и Сашок промеж себя говорили о том, как бы им опять не попасть на суглинок и нельзя ли где-нибудь объехать ключи.

— Давай завернем на Широкие Лопаты. Там поток разливается меньше, — сказал Митя.

— Вот еще, делать такой крюк! Переехали же и опять переедем, — храбро ответил Саша.

— Вода прибывает, может сбросить нас с дрожек. Или Бантик заупрямится. Мы-то что, а вот как Лидия Григорьевна...

— Тогда правь на Лысиху.

— Лысиха еще дальше.

Митя Комелёк настоял на своем. Подъехали они к ключам со стороны Широких Лопат. Но и здесь было не лучше: вода шумела и кружила в устьях, а на просторе разливалась без конца и края.

В белой пене течение несло щепу, стружку, ощурки бревен.

Бантик, как и в прошлый раз, остановился у самой воды, пригнув голову, бил копытом. Лидия Григорьевна, увидев при лунном свете бурлящий поток, ужаснулась:

— Как же тут проедем?

— Если боитесь, мы вас привяжем к дрожкам, — предложил Комелёк.

— Со мной-то ничего не будет, а вот чемодан куда деть? Там медикаменты!

Действительно, задача оказалась нелегкой: если удачно миновали суглинки, то поток и эти ключи, слившиеся воедино, преградили им дорогу.

Врач что-то говорила Саше, он слушал ее, а Митя Комелёк тем временем неподалеку снял с прясла жердь и пошел берегом, измеряя глубину разлива. Под ним с хрустом ломались льдины. В сапогах зачавкала вода. «Ну, да ведь едем к дому, а не от дома...» — подумал он

и еще дальше занес жердь. В одном месте ему показалось неглубоко, сюда он направил меринка.

— Сашок, ты возьми чемодан и садись верхом на лошадь, — распорядился Митя.

Друг его так и сделал: взял чемоданчик из рук врача и сел верхом на Бантика, где-то между хомутом и седелкой.

— Готов! — крикнул он.

Митя Комелёк свистнул. Лошадь тронула. Вода зашумела, заиграла, запузырилась, накатывая волну за волной на дрожки. Лидия Григорьевна вскрикнула и замерла. Но ничего страшного не случилось: подмочила только полы пальто, а Мите еще больше воды налилось за голенища. Саша был сухонький.

Так километр за километром они приближались к дому. Отец Мити не спал. Он уже сетовал на себя за то, что отпустил ребят в такой трудный путь. Сам хворый — надо было послать к бригадиру Сергею Петровичу. Тот хотя и поздно возвратился с поля, а съездил бы. Встревожила слезами учительница, поторопила: стгоряча отдал молодую лошадь парнишке. Думал он и по-другому: в таком-то случае только и попытать сына. Половодье трусу по уши, а удалому по колена...

Опираясь на палку, он далеко ушел за село. По гребню оврага в сумраке мельтешили кусты и низкорослые окраинные березки и осины. Ржание лошади, лай ли собаки настораживали его. У молочной фермы на столбе одиноко маячил фонарь. «Для ребят это неплохой ориентир. Только сообразят ли: дорогу не ищут, а спрашивают...»

Наконец услышал постукивание колес: ждал с правой стороны, от ключей, а они, вона, наперекор всему появились слева — от Широких Лопат. Земля на утреннике подстыла: по грохоту подкованных копыт он узнал свою лошадь. Поравнявшись, спросил:

— Едете?

— Едем, — ответил Митя.

— Порожняком, что ли?

— Везем.

На завороте в улицу села Митя Комелёк остановил Бантика. Лидия Григорьевна слезла. Саша повел ее к

дому Ирины Петровны, а Митя, дождавшись отца и посадив его в дрожки, направился к конюшне.

— Ступай в дежурку, отогрейся. Я лошадь распрягу, — сказал отец.

Снял он хомут и седелку. Не заводя в стойло, по взмыленным бокам Бантика прошелся жгутом соломы. «Ну, вот и все... Съездили и привезли...» Потрепал добрую лошадь по вытянутой шее. В кормушку положил сухой душистой вики.

Когда конюх пришел в дежурку, Митя уже уснул, укутав ноги и разбросав руки. В небольшом квадратном оконце занимался утренний розовый свет. Отец сел у изголовья сына, закурил.



РЫЖИК

Рыжик — это пес, с длинной шеей и отвисшими бархатными ушами. А глаза у него темные с косым прорезом. Живет он на два дома: то у Феди Черемисова, то у Кости Баляба. А Федя и Костя закадычные дружки — одноклассники, да к тому же еще и дома их на одной улице.

По весне как-то, с разливом реки Буранки, возвращались они из школы и увидели в кустах заблудившегося щенка.

— Чур, мой щенок! — что есть силы закричал Федя.

— Нет, мой! Я увидел первый, только не сказал «чур»... — заявил Костя и, оттолкнув приятеля, забрал вздрагивающего песика.

— А я тебе не уступлю. Понял? Не уступлю! — горячился Федя. — Если хочешь, давай его растить вместе. Он будет твой и мой.

Костя Баляба не мог не согласиться: увидели-то они щенка в одно время.

— Ну, давай. А назовем Шариком. Он маленький и круглый.

— Маленький сейчас. А когда вырастет? Лучше — Рыжик. Видишь, он рыжий.

И щенок стал у них общим. Дружки варили ему каждый день суп или молочную кашу. Ловили в реке гольцов и плотвиц.

Пес заметно толстел. Все больше отрастали у него лапы и уши. Научился брехать и молотить хвостом. Вот только не понимал слово «тубо», а оно означало — нельзя.

Как-то ребята купались в реке. Щенка заставили стеречь штаны и рубашки. А он принялся кататься по песку да трепать их штаны.

Из воды Костя и Федя кричали:

— Тубо! Рыжик, тубо!

А он не понял.

Костя Баляба разозлился, хотел постегать его ремнем, но Федя прикрыл собой.

— Он еще маленький. Чего от него хочешь?

Не прошло и двух дней, Рыжик забрался на соседний двор. Перепугал там гусыню с гусятами. Одного гусенка малость покалечил, а черного кота загнал на хлев и такой шум поднял! Хорошо, что хозяев не было дома.

Сидя у забора на бревне, подперев ладонями подбородки, приятели задумались. Как быть? Нужны собаке домик и цепь, а то наживешь неприятностей. Раздобыли они досок и гвоздей, сколотили будку, да такую, что можно самим там жить. Натрусили свежего сена.

Конура Рыжику понравилась, а цепь нет. Жалко было смотреть на него, когда надевали ошейник: весь он сжимался, пищал, казался самым несчастным.

Костя Баляба ни с того ни с сего рассердился на Федю.

— Ты научил его гоняться за гусями да за кошками.

— Нет, ты! — отвечал ему Федя.

— Нет, не я.

— И не я.

Они схватились было за воротники. Костя здоровяк, с толстой шеей, задира. Федя не так уж задирист и ростом меньше своего дружка, но жилистый — поди-ка, возьми его! Первый Федя не нападет, но если на него наскочил — не уступит.

Только настоящие друзья, как бы ни препирались, не подерутся. Ну, а если такое случится — тут же помиряются.

— Ничего ты не знаешь, Рыжика могут убить, — опять сердясь, сказал Костя.

— Это почему же?

— А вот потому: намордник надо надевать.

Рыжик не кусачий. Кто бы к нему ни подошел, ко всем ластится. Намордник такой собаке не нужен. Но Костя Баляба узнал, что есть закон неписанный, а может быть, и писанный: если собака без намордника, каждый может в нее бросать палкой, а то и камнем.

Понемногу дружки приучили Рыжика к наморднику, а там и к поводку.

Однажды заречные ребята, товарищи Феди и Кости, увидев на улице щенка, спросили:

— Чей это? Чей? — и хотели его погладить.



Костя Баляба похвалился:

— Мой. Рыжик, тубо! — приказал он и так сильно дернул за поводок, что щенок опрокинулся на спину и заскулил.

Федя чуть не заплакал. С тех пор он не особенно-то доверял поводок своему приятелю. Когда отправлялись за реку или лес, тихонько освобождал Рыжика от намордника и поводка.

Пес гулял вволю. Кажется, не корми его хлебом, а только дай покататься по траве, да поползать на животе, да спрятаться в кустах, да погавкать на сороку или ворону.

Рыжик доверчиво прижимался к Феде, лез на грудь лапами, а Костю только лизал в руку.

— Давай покажем его моему дяде Павлу Семеновичу. Он сразу узнает: хороший пес или нет, — потребовал Костя Баляба.



— Хороший, — ответил Федя.

— У собаки должен быть нюх.

— Рыжик еще не вырос.

— Дядя узнает, как только они народятся.

Павел Семенович жил в соседней деревне, рядом с лесной пустошью. Ранней весной и осенью по первой пороше промышлял охотой. Высокий, сутулый, выйдя на крыльцо, он откашлялся, встретил ребят радушно. Присел на корточки перед Рыжиком и даже языком причмокнул:

— Добрая животина. Видать, от настоящей легавой.

Охотник погладил племяша Костю по ершику волос и подарил ему старенькую, залатанную оловом трубу.

Приятели отсюда двинулись прямо в поле, на пробу. А в наших местах где поле, там и перелески.

Лето входило в самую красу. В полях созревали хлеба. В перелесках и на порубях полно было ягод. Другой бы раз друзья пособирали, но сейчас это их не занимало.

Рыжик сразу показал себя: сунулся в балку, заросшую ольхой, и заголосил — нашел там большущего ежа.

Федя стал отманивать Рыжика. Но где там! Тот еще сильнее подает голос: гав, гав, гав!

— Надо его ткнуть мордой в ежа, пусть уколется, — сказал Костя и хотел уже спуститься в балку.

Но Федя запротестовал:

— Погоди, сам ткнется.

Так и вышло: Рыжик окровавил нос о колючки ежа и отступил. Скоро на окраине леса он поднял белку. Голову задрал высоко, лезет в кусты, от злости перекусывает палки. А белка, распушив рыжий хвост, не боясь, легко перемахивает с елки на елку.

— Пусть Рыжик найдет зайца, — потребовал Костя, — а то я его огрею ремнем.

Приятельки принялись дудеть. Пес начал уже понимать, чего от него хотят: пошел не по прямой, стал делать круг за кругом. Отыскал и зайца. Только заяц-то и хвоста не показал, ушел невесть куда. Голос Рыжика доносился совсем издалека, будто из-под земли. Костя, надувая щеки, скорее начал трубить, звать Рыжика. А то еще заблудится...

Костя трубил, Федя, заложив в рот два пальца, свистел, а там, где-то по лесу, в оврагах, всякий раз отзывалось эхо.

Пес появился с высунутым языком, сильно раздувая бока.

На обратном пути Федя Черемисов вел на поводке собаку и мечтал:

— Вот бы теперь нам ружье...

Но Костя Баляба думал о другом. Он думал о том, как бы завладеть псом, чтобы Рыжик в лес и в поле ходил только с ним, отзывался только на его голос. У села заявил:

— Рыжик должен быть твоим или моим.

Федя обиделся:

— Не хочешь со мной дружить? Ну что же, я не зареву.

— Нет, я с тобой буду дружить, но только хочу, чтобы у собаки был один хозяин.

— А как это мы сделаем, раз он у нас общий?

— Пусть Рыжик сам решит. Придем в лес и разойдемся в разные стороны. Пойдет пес за тобой — твоим будет, а за мной — моим.

Нелегкую задачу задал Костя Баляба своему приятелю. Федя загрустил: лучше бы Рыжик был общий. Кто его хозяин — неважно. В лес и в поле он все равно ходит со всеми. Может найти белку, может найти лису или зайца. Только стреляй — не промахнись. Но Костя вот уже третий день настаивает на своем:

— Довольно, а то набаловали его...

Федя наконец согласился.

Пришли они в лес, спустили Рыжика с поводка и стали расходиться, как условились: Костя в одну сторону, Федя в другую.

Рыжику это не понравилось. Он начал метаться и жалобно скулить. Подбежит к Феде, поласкнется и опять бросится на зов Кости. Овраги и кусты ему ни почем: в миг он то здесь, то там, только мелькает в траве его хвост.

Федя не догадался, что Костя Баляба дома набрал в карманы кусков хлеба. Нет-нет, да и бросит псу кусочек. Федя посвистел, подудел и отступил. На глаза навернулись слезы. Никогда с ним такого не бывало.

Шел Рыжик за Костей, пока у того в карманах был хлеб, а кончился хлеб — стал часто оглядываться да прислушиваться. Костя уже уверился, что собака досталась ему. Перейдя овраг, хотел посадить ее на поводок. А Рыжик вильнул хвостом — нет его, ищи-свищи...

— Рыжик, на-на-на-на! Рыжик, на вот, на вот!

Теперь кричал Костя. Кричал до хрипоты в горле, но пса уже не было.

Когда вышел Костя Баляба на зеленую, залитую солнцем поляну, то увидел Федю Черемисова, веселого, счастливого: у ног его, высунув язык, лежал Рыжик.



ЕНЯ-РЫБОЛОВ

Задумано это было давно. Сидор Матвеевич, щуря хитроватые глаза, говорил своему внуку:

— Установится тепло, Еня, потешу я тебя. Поедем на рыбалку. Рыбы в нашей Буранке полно: тут тебе и окунь, и усатый сом, а то налимы, язь и шустрые плотвицы. А выловишь красноперку — залюбишься. Истинно рыбка эта не простая, а золотая: глаза оранжевые, плавники малиновые, спинка зеленая, а бока отливают золотом.

Лучше бы дед не говорил этого. Мальчик теперь сам не свой. Только и разговору:

— Когда же на рыбалку? Когда?

Однажды Сидор Матвеевич сменился на ферме, ночью с зажженным фонарем набрал в банку выползней у старого остожья и, придя домой, тихо разбудил внука.

— Собирайся, Еня.

Они выехали чуть свет на маленькой просмоленной лодчонке. На воде стоял плотный туман, река будто дымилась. Мальчик, ежась от холода, поглядывал, как на востоке разгоралось солнце.

Сидор Матвеевич легко взмахивал то одним, то другим веслом, то обоими вместе, а слух его был насторожен: на правом берегу рокотали тракторы.

— Плохо дело, Еня.

— А что, дедушка?

— Видишь, тракторы работают, рыба не любит шума, прячется.

Но тракторы уходили на дальние концы полос, и рокот их моторов слышался тише и мягче.

На широком плесе Сидор Матвеевич положил весла и, взяв из лодки камень, привязанный к веревке, бесшумно спустил его на дно реки. Лодка стала, как на якоре.

— Здесь опробуем...

Они начали разматывать волосяные и шелковые лески. Еня делал все то же, что делал его дед. Насаживали на острые крючки выползней. Сидор Матвеевич поплевал на извивающегося червя, поплевал и Еня.

Дед с кормы, а внук с носа лодки выбросили на воду поплавки.

В кустах щебетали птицы. Над водой кружились серые чибисы. Где-то у самого берега вспорхнула стая уток-крякуш, но рыболовов ничего не могло отвлечь: все их внимание было устремлено на поплавки.

Рыба у деда ловилась хорошо: Сидор Матвеевич вытягивал то ерша, то плотвицу. Каждый раз Еня бросался к нему на помощь, и лодка сильно качалась.

— Тише, внучек, тише! Лодка у нас вертлява, да и рыба пугается...

— Да-а, у тебя ловится, а у меня нет! — жаловался мальчик и просил деда посадить на его крючок самого жирного выползня.

Скоро и у Ени красный поплавок закачался на воде. Он вытащил уклею и расстроился еще пуще прежнего.

— Нужна мне такая...

— Ничего, внучек, ничего. Мы ее на живца обратим: на маленькую попадет большая. Ну-ка, где у нас там

жерлица? — спросил дед. — Давай мы посадим уклейку на жерлицу.

Еня подал снасточку на жилковом поводке. Сидор Матвеевич одним крючком задел уклейку за губу, другим — под хребетик и передал внуку.

— Отпускай понемногу поводок. На твое счастье!..

Мальчик долго сидел с поводком в руке, не шевелясь, а дед то и дело клал в кошелку рыбу.

— Брошу я живца, — не выдержал, наконец, Еня. — Чего напрасно-то его держать?

— А ты подергивай, заставляй приманку играть.

Еня стал подергивать, и скоро поводок в его руке натянулся, да так туго, как будто мальчика кто стаскивал с лодки.

— Попало, дедушка! Чего-то тяжелое попало... Вырывается.

— А ты крепче держи, крепче.

Большая рыба метнулась в сторону, ударив хвостом по воде, закружила, хотелось ей уйти в глубину, но жилковый поводок не оборвать. Обессиленная, она покорно пошла к лодке. Сидор Матвеевич подхватил сачком и на силу вытянул рыбу.

— О-о, да это жерех! Молодец, Еня! — сказал дед, радуясь удаче.

Еня повеселел. Сдвинул на затылок шапчонку, расправил плечи. Он уже представил, что будет рассказывать своим приятелям о том, как поймал жереха. Они, конечно, не поверят. Тогда он приведет их домой и покажет рыбу, которая сейчас билась у его ног на дне лодки.

С берега снова донесся рокот. Тракторы, вспахав дальние края полос, приближались к реке. Туман мало-помалу рассеялся. Только теперь дед с внуком заметили, что в кустах, у самой воды, разбита палатка и горит костер. У палатки телега, на телеге железная ребристая бочка с горючим. Рядом ходит выпряженная лошадь, пощипывая молодую зеленцу.

Сидор Матвеевич поднял на веревке камень со дна реки, и лодку отнесло течением на быстрину.

— У бережка еще зацепимся. Может, парочку налимов поймает, — сказал он.

В это время трактористы, оставив свои машины, подо-



шли к реке. Набрав воды в пригоршни, умылись. Увидев рыболовов, один из них, что постарше, крикнул:

— Угостили бы нас рыбкой-то!

— Ась? — спросил Сидор Матвеевич.

— Рыбки бы дали на уху!

А Сидор Матвеевич опять:

— Ась? — И налег на весла.

Еня подумал: «Что это дед оглох? Хорошо слышал, а тут сразу и оглох». Наклонившись к его плечу, он сказал:

— Они, дедушка, просят рыбы на уху.

— Рыбы? А вот когда наловим... Еще не наловили...

Мальчик посмотрел на деда удивленно.

У берега они снова забросили крючки, но рыба уже не брала.

Солнце залило яркими лучами реку и луг. В кустах перепархивали с ветки на ветку пичужки и неустанно щебетали, радуясь весне. Где-то в небе парил жаворонок.

Еня сидел грустный, задумчивый, глядел в сторону черного, вспаханного поля. Потом спросил:

— Дедушка, я отдам им своего жереха?

Сидор Матвеевич часто заморгал глазами:

— С чего это ты такой добрый?

— Сам ты говорил: землю-то они для нашего колхоза пашут.

— Ну и что же?

— Они для нас, а мы для них...

Мальчик погладил рукой жереха, вытянувшегося у его ног на дне лодки и крепко уснувшего. В кошелку он не убрался.

Сидор Матвеевич помолчал, почесал в бороде, должно быть, ему стало совестно, что он так обошелся с трактористами. Поразмыслив, заговорил по-другому:

— Ну что же, Еня, снеси, подари им свою рыбу. Это неплохо, коли от души.

Причалив лодку к берегу, мальчик прихватил рыбу за жабры и поволок.

У палатки на костре что-то готовилось. Небольшая семейка — трактористы и сеяльщики да еще подвозчики горючего, все с деревянными ложками — усаживалась в кружок.

Еня, подбежав к ним, сказал:

— Вот это вам, — и положил у кустов на траву своего жереха.

Но трактористы и сеяльщики только любовались такой большой и красивой рыбой. Еня, возвратившись к лодке, сообщил:

— Дедушка, не надо им. Они говорят, мы только хотели узнать, добрые вы или нет? Сами меня угощали курятиной: садись да садись с нами кушать варево.

Сидор Матвеевич, потупив взгляд, заерзал на месте, засучил рукава поддевки и стал перебирать в кошелке улов.

— Жерех для ухи крупен, внучек, а плотвицы и ерши в самый раз. Снеси-ка, — сказал он.

— А ты сам поди.

— Да как-то мне совестно. Пожадничал я, а рыбы-то мы с тобой наловили вдоволь.

Еня выручил деда, отнес трактористам на уху мелкой рыбы.

Домой они возвратились довольные друг другом.



СТАРШИЙ БРАТ

Заболеl маленький Сережа, и в доме все забеспокойлись: папа, мама, бабушка. Послали за врачом. Врач осмотрел Сережу и сказал:

— Простудился малыш. Не надо выпускать его на улицу.

Пришлось Сереже сидеть дома. А чтобы не было скучно, кровать его придвинули к самому окну. А за окном снег, голые сучья берез, на березах нахохлившиеся воробьи.

— Достаньте мне воробушка! — запросил Сережа.

— Зачем это тебе?

— Я хочу поглядеть, какие у него перышки, какой нос?..

И хотели бы уважить больного Сережу, да воробей не снежинка, рукой его не поймашь. Бабушка вышла на улицу и у крыльца бросила горсть крупы. Воробушки увидели корм, а спуститься с березы боятся. Вдруг стережет их там кошка или собака?

Пришел из школы Сережин брат — Женя. Снял меховую тужурку и, подышав на руки, хотел было поиграть с малышом.

— Ты что лежишь?

— Заболеl, — тихо ответил Сережа.

— Ну, вот тебе... А может быть, это каприз?

Бабушка загородила Сережину кровать.

— Какой же каприз, врач был! Строго-настрого велел из дому не выпускать, — сказала она. — Ты, Женя, книжку почитал бы ему.

— Не хочу книжку!

— Не привередничай, Сережа, воробья тебе я не достану.

— Какого воробья? — спросил Женя.

— Увидел за окном и просит. У больных известно: все им подай да покажи, — ворчала бабушка.

— Воробья достать? Это я сейчас, — охотно отозвался Женя. Надел тужурку. Взял молоток, гвозди и к наличнику окна приколотил дощечку. Насыпал на нее хлебных крошек.

— Ожидай, — сказал. — Так мы в школе делаем, в кружке юннатов. У нас скворцы и ласточки зимуют, пестрый дятел, чирок, мухоловка...

У Сережи новая забота: прилетят воробьи или не прилетят? Сядут на дощечку или не сядут?

— Где же они? Почему не показываются? Поставьте им блюдце с водой, — тоскливо тянет он.

— Зимой воробьи не пьют, — готовя за столом уроки, ответил Женя. — Ты гляди в окно, гляди, а то прозеваешь.

Сережа стал глядеть в окно. Сначала сел на доску один воробей, должно быть, самый храбрый. Склевал крошку и улетел. Мальчик обрадовался, а тут, когда воробей улетел, ему стало еще тоскливее. На глаза навернулись слезы. Но серый храбрец улетел затем, чтобы при-



вести сюда целую воробьиную семейку. Один он не хотел лакомиться вкусной едой.

— Чик, чик, чирик...

Прыгали воробьи бойко, подбирали крошки и по-своему разговаривали. Сережа любовался ими, радовался. Просил еще насыпать крошек. Женя оставлял тетради, открывал форточку и бросал хлеб.

А когда Сереже стало получше, папа и мама разрешили ему самому это делать.

Серые прыгуны привыкли скоро. Прилетали с утра, чистили клювом перышки и стучали в стекло.

— Чик, чири... чик-чири...

А один из них, наверное, тот, который приводил сюда каждый день новых товарищей, прыгал как-то бочком, выпячивая наклепанный зоб.

Сережа уже выздоровел. В теплом пальто и в валенках убегал с ребятами гулять за село, на ледяную горку, а про воробьев не забывал: придет под окно своего дома, спросит:

— Ну, чего вам?

А воробьи, перелетев с ветлы на березу, наперебой отвечают:

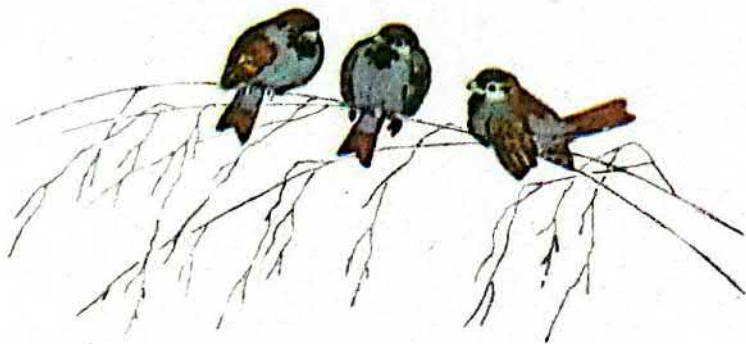
— Чик, чик-чирик! Чирик!

Сережа вынесет крупы или толченых сухарей. Воробьи кружатся над его головой, и появляется их здесь все больше и больше.

— Доволен? — спросил его брат Женя.

— Ага! А что юннаты еще умеют?

— Много умеют. В школе у нас уголок живой природы. Пойдешь учиться — узнаешь.



ТОНКОНОГИЕ ОПЕНКИ

Бывает же так: пойдешь в лес собирать одно, а найдешь другое. Вера и Паня пришли в молодую сечу собирать кисличку-костянику, а увидели там под кустами много тонконогих опят. Куда ни глянут, везде семейками растут опенки. Головки у них крапленые, а на шейках — перепонки, словно белые косынки.

— Ой, сколько! — широко открыв глаза, закричала Вера.

Но Паня схватила ее за локоть.

— Не кричи. Только мы одни будем знать, где растут опенки. Побежим за корзинами. Да поскорее...

— Давай в фартуки собирать, — присев на корточки, предложила Вера.

— Вот тоже скажет. В фартуке много ли унесешь? Нужны корзины.

И они пустились бежать в село. А молодой лес плотный: березы, осины, ольха да кусты черемухи сплелись ветвями — ну, прямо чащоба: того и гляди лицо поцарапает или платье порвет.

Выбравшись на прогалину, залитую солнцем, девочки огляделись: как бы не потерять им дорогу.

Паня, запыхавшись, сказала:

— Как найдешь грибы да расскажешь кому-нибудь, грибы-то в тех местах и не растут.

— Вот и неправда, неправда! — возразила ей Вера. — Мне бабушка говорила другое: чем больше людей собирает грибы, тем их больше родится. Она говорила: «Придешь в лес-то да аукнешь, кто-нибудь тебе откликнется, вот туда и иди. Где народ, там и собирай...»

Тогда Паня придумала другое:

— А ты не слышала, там, в овраге, кто-то промышал вот так: гм... гм... гм...

— Нет, не слышала.

— Ну вот, то-то же.

— А мы возьмем с собой Машу Карасеву да Борю Орешкина, вот и не заботимся.

— Куда их! Вдвоем-то больше наберем.

— Маша — подруга. А с Борей учимся в одном классе.

— Про Борьку Орешкина мне и не говори. Он всегда на меня собаку науськивает. Маша тоже...

— Что тоже? Все ты выдумываешь!

— Нравится тебе Маша — и водись с ней. В лес ходи с ней, на реку ходи. И в школу...

Домой Паня явилась запыхавшаяся. Лицо потное, красное. Реденькие волосы торчат во все стороны. Отломив кусочек пирога, схватила большую корзину и, не дождав Веры, опять в лес. По дороге оглядывалась: не увязался ли кто за ней.

Вера не из таких. Она скорее свое отдаст, чем скряжничать будет. На колхозном огороде, где собирали с гряд репчатый лук, сказала про опенки Маше Карасевой и Боре Орешкину. А там запросились и другие ребята.

— Идемте. Вместе веселее собирать, — приглашала Вера.

Маша взяла корзину, Боря — лукошко.

И другие мальчики и девочки захватили лукошки и корзины.

Забегали они за Паней, а ее бабушка с крыльца, недовольная, ответила:

— Ушла она. Вот только...

— Что же это нас не дождалась?

— А чего же ждать? Сами знаете, где лес-то...

— Конечно, знаем. Только мы хотели все вместе, — ответила Вера.

Тонконогие опенки росли по всей сечи, но на старых пнях берез и осин их было больше. Все, как один, ровные, крепкие, и головки у них одинаково крапленые, должно быть, уродились с одного дождя.

А тут неожиданно Маша закричала:

— Я белый нашел!

Всем захотелось посмотреть на белый гриб. В сечах они редкие гости. Растут белые в старых, замшелых лесах. Счастливица Маша тем временем сняла еще белый, да с прибавкой. Один — большой, коричневого, а под его шляпкой другой — маленький братик. Когда все стали любоваться грибом, у корня нашли еще братика. Только братик тот был с бородавкой.

Вера и Боря начали шарить в кустах. Белые не растут

в одиночку: нашел один — не отходи, тут же ищи другой. У Веры засветились глаза: и она нашла.

А Боре Орешкину не повезло. Он туда, сюда — нет. Все бугорки поднял.

— Мне не везет. Если я найду, то раздавленный.

Девочки пожалели его.

— Давайте поищем белый для Бори, — предложила Вера.

Прилежно искали, но больше такой гриб им не попался.

Тогда Маша Карасева отдала свой: ведь она сорвала два. Теперь у них стало поровну, и Боря повеселел, заулыбался.

— А где же Паня? — спросили ребята.

Вера, забыв обиду, стала звать Паню:

— Ау, ау!

То Вера крикнет, то Маша. Лес здесь без конца и края — за сутки не пройдешь. На ветру шумит он густой кроной, а в ненастье гудит, как в трубу. Боря приложил ко рту рупором ладони и аукнул во все горло. Там, где-то далеко, от его голоса раскатилось эхо: у-у-у!..

Ходили они, собирали грибы и не догадывались, что подружка-то их Паня заблудилась. Как это случилось, сама она не понимала. Когда с корзинкой примчалась в сечу, все думала, как бы не сбиться с дороги да не уйти, куда не следует.

«Справа-то что у нас будет?» — спрашивала Паня. И сама себе отвечала: Ах, да, тут должно находиться Утиное болото. А что левее? Вот и забыла!»

Девочка на миг останавливалась, а вспомнив, удалялась еще быстрее, только мелькали босые ноги.

Вот это раскорчевки.

А дальше должна встретиться самая широкая просека. Там в землю врыты высокие стальные башни. На башнях фарфоровые тарелки. И электрические провода тянутся.

«Где же эти башни и провода?» — опять спрашивала она. Никто ей не мог ответить. Как только Паня поняла, что заблудилась, сейчас же у нее навернулись слезы.

«Не нужно мне никаких опенок, только бы выбраться отсюда».

Но все дороги и нахоженные тропы исчезли, не стало видно светлых лужаек и прогалин. В ногах шуршала сухая опавшая листва, и льнула к ним холодная осока. А тут еще совсем рядом с шумом взлетел тетерев. Паня страшно стало — она остановилась, постояла немножко.

С верхушек высоких берез и осин опадали тронутые багрянцем листья. В одном месте Паня наткнулась на куст перезревшей малины. На ходу сорвала ягоду, но в рот так и не положила. Ничего не хотелось: ни грибов, ни ягод. Скорее, скорее домой, пока светит солнце.

Но где он, дом-то? В которой стороне? Вот был бы с ней кто-нибудь, помог. Она вытерла слезы, понимая, что слез никто не увидит и ей не посочувствует.

Обидела подружку, изменила ей. И ради чего!.. С Верой они ходят вместе в школу, сидят за одной партой. Сколько раз Вера помогала ей делать уроки! Давала читать книжки, делила пополам новенькую промашку.

— Я только сниму кляксу и отдам тебе, — бывало, скажет Паня.

— Да уж бери насовсем.

Было и так: Паня свои цветные карандаши прибережет, а у Веры выпросит и рисует, рисует. В пенале свои перья есть, а у Веры возьмет «только на сегодня», да так и оставит на все время. Чего бы ни попросила, Вера всегда даст и худого не скажет.

«Ой, если уж Вера от меня откажется, с кем же я стану дружить? Маша Карасева никогда не будет такой верной подружкой. С Борей Орешкиным и другими мальчиками не подружись — они водят собак. У Бори собака с ягненка, злющая — на всех лает. И хорошо бы только лаяла, а то так и норовит схватить за ноги...»

Как только Паня подумала о собаках, сзади нее что-то фыркнуло и завозилося. Это был еж, а для Пани он обернулся чуть ли не волчицей. Не зря говорят: у страха глаза велики.

Высокая жесткая трава, казалось, связывала ей ноги, хлестала головками засохших цветов по голым коленям. «Наверное, в траве ползают ужи», — решила Паня, и опять ей стало страшно-страшно. Она очень их боялась. Когда ребята брали в руки ужа, она закрывала глаза и убегала подальше. А теперь в траве-то палка, а ей кажется — это уж. Шелохнется в кустах какая-нибудь пичужка, ей думается: кто-то крадется, чтобы схватить ее. Под ногами хрустнет валежина: Паня от страха так и присядет, решит, что из ружья охотник выстрелил.

Бежала она, бежала и сама не знала куда.

По сторонам и впереди стояли неподвижные зеленые дубы. Их окружали березы и осины. Как поглядела Паня на них от корней до вершин, так в глазах и помертвело: ведь уже темнеет. Где же дом? Где же село? За дубами опять чащоба — глаза выколешь. Да какие-то овраги и балки. «Вот тут уж непременно водятся волки!..» — подумала Паня, заторопилась и упала в колючки. Из корзины просыпалась вся рябина. Это Паня поначалу, как пришла в лес, нахватала рябины.

Куда бы Паня ушла, долго ли проблуждала — неизвестно, только здесь-то, среди заросших балок и оврагов, она услышала издали голос Веры:

— Ау! Ау!

Хотела отозваться и не смогла — в горле пересохло. А сердечко затрепетало от радости. Скорей, скорей. Она побежала туда, откуда доносился зов. А тут послышались еще голоса и еще... Силенок у Пани прибавилось, лес посветлел. Опять стали попадаться лужайки да полянки.

Скоро она выбралась на дорогу. А на дороге, у столбов, села, закрыла лицо руками и разразилась слезами.

— Ты о чем? — подходя, спросили Вера и Маша.

Паня ответила не сразу:

— Вы набрали опенок, а я нет.

Девочки переглянулись, посмеялись.

— Я тебе из своей корзины опенок положу. Хочешь? — спросила Вера.

— И я тебе дам, — сказала Маша.

И все мальчики и девочки взяли из своих лукошек понемногу опенок и положили в Панину корзину.

САЗАНЧИКИ

В наших местах весной Волга разливается широко-широко, прибывает столько полной воды — глазом не окинешь.

Село становится островком. В то время ребятам приходится быть дома, отсиживаться. Но когда вода пойдет на убыль — их не сыскать, с утра до вечера они за околицей.

Маленький белоголовый Андрейка в коротких штанишках уже сбегал к Крутому Яру. В пересохших заводях набрал в черепок рыбок. Он знал, что это сазанчики, народившиеся нынешней весной. Вон сколько их не ушло с большой водой в Волгу! И теперь на мели, под жарким солнцем они задыхаются.

Что же делать с такими рыбками? Он пристроился у своего дома на ступеньках крыльца и стал кормить рыбками кота Мурлыку. А кот у Андрейки отменный: пушистый, серо-волнистый, с зелеными глазищами. Жрун — такого поискать. И вот еще хитрец, лакомка. Андрейка не услышал, как сзади подошел к нему старший брат Дима с сумкой, набитой книгами и тетрадями.

— Гляди, твой кот какое брюхо наел, лопнет, — сердито сказал Дима.

Андрейка опасливо поглядел на раздутые бока Мурлыки и хотел отнять черепок с рыбками, но кот заурчал и выпустил когти.

Дима пнул кота. Андрейка чуть было не заплакал:

— За что?

— За рыбок, вот за что.

— Живых я бы не дал. Там, у Крутого Яра, в заводях их много, и все мертвые.

— А вот и не мертвые. Их можно оживить...

Дима взял ведро и побежал к реке. Они тут же, у крыльца, налили свежей воды в деревянное корыто и пустили рыбок. Но крохотные рыбки все всплывали вверх светло-серыми брюшками.

— Я говорил, мертвые! — опять плакал Андрейка.

Но Дима только отмахнулся от него. Склонившись

над корытом, не дыша, он терпеливо ждал и ждал. Присел тихонько с ним рядом и Андрейка.

Рыбки зашевелились, стали повертываться, показывать черные спинки: одна, другая, пятая, десятая. Вон сколько их ожило!

Дима строго распорядился:

— Снеси рыбок в реку. Забегни к Юрке и Саше Гаврюковым, скажи им, чтобы после уроков зашли ко мне.

Маленький Андрейка не всегда и не во всем слушался брата, но сейчас готов был сделать для него все...

Под вечер к Диме пришли школьные товарищи. Андрейка лежал уже в постели, гладил по шерстке своего любимца кота Мурлыку. Хоть и краем уха, но он услышал: ребята куда-то собираются. Куда же?

Как только братья Гаврюковы ушли, Андрейка заявил брату:

— Куда вы пойдете, туда и я пойду.

— Мы никуда не пойдем.

— Слышал: собираетесь за сазанчиками.

Лицо Димы сразу посуровело:

— Очень ты нам нужен. Может быть, мы собираемся за Крутой Яр.

— И я пойду за Крутой Яр, пойду! Пойду!

В тесовую переборку не то мать, не то отец постучали. Это значило: после ужина в доме все легли спать, пора и им, а они шумят и шумят.

Когда утром Андрейка проснулся, брата Димы на постели уже не было. Он прислушался. Часы-ходики гремели в пустом доме. Выбежал в сени: так и есть — лопаты нет и корзины нет. Брат ушел, а его не взял. Ну погоди же! На подоконнике мать для них оставила горшок молока и по ломтю хлеба, но пить и есть не хотелось. Скорее на розыски.

За селом, взбежав на взгорье, которое уже покрылось ласковой зеленой травой, Андрейка устремил свой быстрый взгляд к Яру. Пригляделся. Но там из ребят никого не было, только галдели и вились стаей птицы. Солнце уже занялось высоко и, как вчера, как все эти дни, подсушивало землю. Воды вокруг все становилось меньше и меньше, можно было найти от одного бугра к другому обсохший гребешок.

— Куда же они делись? Куда? Наверное, за теми кустами.

Но и за кустами ребят не было. Андрейка бежал откосами да гребнями, прыгал с бугорка на бугорок, продираясь сквозь заросли ивы и шиповника, в кровь поцарапал голые колени, но не отступился.

Дальше над заливом кружились стайками белые чайки. Они были сытые, довольные, крикливые. Летали тут и более прожорливые — бакланы. Андрейке под руку попала хворостина. Он запустил в птиц:

— Это вам за сазанчиков!

А чаек и бакланов еще прибавилось. Издалека доносились гудки волжских судов. Это теплоходы и катера делали первые рейсы. Андрейка радовался всему и досадовал на брата — не взял его. Ну да ведь он их разыщет. Залезет вот на этот дуб. Как задумал, так и сделал — цепляясь за голые ветки, залез. А тут все выше и выше. Только бы не зацепиться штанами да не повиснуть. С макушки высокого дерева увидел ребят и закричал что есть силы:

— Во-о-о-на они! В Заовражье.

Ребята с лопатами, корзинами да еще с решетами переходили от одной пересыхающей заводи к другой. Рыли



канавы и по ним с водой спускали рыбешку-мелочь. Где нельзя проложить канаву, вылавливали рыбок корзинами и в ведрах относили туда же, в Волгу.

Андрейка подбежал к ним и сразу попросил:

— И я буду ловить. Дайте мне решето.

Но старшие ребята не дали ему решета и корзины и не пустили в воду: еще наотвечаешься за такого рыболова.

— Без тебя справимся, — процеживая в корзине воду, ответил ему брат Дима.

— А я буду тогда относить ведро.

— Ведро тебе еще и не поднять.

— А вот подниму. Подниму!

До реки не близко. Носит Андрейка по полведра, зато быстро, не переводя духа.

У берега огромной реки, где на гладких камнях плещется прозрачная, но еще холодная вода, он опрокидывает ведро и, присев на корточки, любуется рыбками. Те недолго копошатся в пене, а как хватят свежей водицы, то и нет их, все врассыпную.

Свободное ведро опять наполнялось мелочью.

На самой глубине одной заводи Дима выловил большого желто-золотистого сазана.



— Этого в Волгу не пустим, — закричали ребята. — Прозевал, когда вода уходила, ну вот и угодил на сковородку.

Дима передал улов брату:

— Тащи домой!

Андрейка обхватил рыбу обеими руками, но сазанище так ударил хвостом, что мальчик еле удержался на ногах.

Ребята из воды вразнобой кричали:

— Ты его за жабры хватай, за жабры! А то он тебя повалит!

— Не повалит, — ответил Андрейка и поволок рыбу.

Солнце день ото дня становилось горячее. На таком солнце обсушиться с полдела. Штаны перекрутишь, отожмешь. Повесишь на куст. От штанов пойдет пар, а там и совсем они станут сухими.

Дима и Андрейка пришли домой сухонькие и чистенькие. Мать пристально поглядела на них, но ничего не сказала. Подала на стол сковородку с жареной рыбой.

— Проголодались? Что же утром молоко не пили?

Братья лишь переглянулись и припали к сковородке.

С работы пришел отец, загорелый: весь день пробыл в поле у тракторов.

— Вот хорошо свежей рыбкой закусить, — вытирая руки полотенцем, сказал он. — Кто же это напромышлял?

Мать указала:

— Свои рыболовы-то. В Заовражье пропадали.

— Мы молодь на пересохших местах выбирали да ведрами относили в Волгу, — ответил Дима.

— Я помогал, — похвастался Андрейка.

Отец заговорил о том же:

— Рыбешки этой нынче много застряло. Река широко разлилась. Вода за перегонами пашню размывала.

— Папа, а там сазанчики есть? — спросил Андрейка, толкая локтем ластившегося кота Мурлыку.

— Много и там этой мелкоты. Только оттуда ведрами не переносите — далеко. Просите у председателя артели лошадь да на телегу поставьте бочку.

— Это мы завтра сделаем, — обрадовался Дима.

— Я лошадью править буду, — сказал Андрейка.



СЕСТРИЧКИ

Галя, ожидая в гости сестричку Олю, не находила себе места. То поглядит в окно, то выбежит на улицу. А на улице сегодня завернул такой морозище: деревья и провода на столбах покрылись инеем.

— Бабушка, а какая она, Оля? Какая?

— Не такая суматошная, как ты, — ответила бабушка.

— А какая же?

Галя еще не видела двоюродную сестричку. Маму ее послали в командировку. Девочку не с кем оставить в квартире. Тогда Галины папа и мама чуть свет запрягли колхозную лошадь и уехали за Олей.

Галя беспокоилась:

— Ай, ай, в доме еще не прибрано!

Она принесла таз с водой, взялась за щетку, хотела мыть пол, но бабушка не дала:

— Ты, детка, приберись в своем кукольном уголке. Да надень другое платье.

Галя надела вишневое с белым кружевным воротником. Расчесала перед зеркалом кудряшки. Ботинки на ней поскрипывали.

— Бабушка, кукол у Оли, наверное, нет. Она будет моими играть.

Усевшись на коврик, Галя все свои игрушки разделила: это будут Олины, а это мои... В кучке для нее игрушки подбирались хорошие, новенькие, а у Оли — похуже. Самую хорошую куклу Галя спрятала.

— Бабушка, что же это они так долго не едут?

— Не близко.

— На машине бы надо, а не на лошади.

— Дорога заснежена, на машине не проехать. Ну, да у них лошадь шустрая.

Ждала гостью Галя да и не увидела, как подъехала к крыльцу лошадь. Только в сенях заскрипели от мороза половицы, дверь отворилась, и вместе с клубами белого пара в дом вкатился большой-пребольшой шар.

— Ну, вот и мы! Галочка, встречай сестру, раздевай ее, — сказала появившаяся мама.

— Где она? Где? — спросила Галя.

— Да вот она, вот.

А Галя опять:

— Где же, не вижу...

— А ты лучше погляди.

Галя теперь увидела под теплой, низко повязанной шалью Олины глаза и мохнатые от инея ресницы. Взглянула и отошла в сторону, застеснялась.

Подроспела бабушка. Стала раздевать Олю. Развязали сзади шаль, размотали — шар стал поменьше. Сняли с гостьи старую тужурку — шар стал еще меньше. Шубку Оля расстегнула и сняла сама. Вот и нет больше шара. Она ласково взглянула на сестру:

— Здравствуй!

А Галя еще ниже опустила голову.

Отведя лошадь на конюшню, возвратился папа, довольный, разговорчивый:

— Галочка, что же ты стесняешься? Занимай Олю, чтобы она у нас не скучала.

Девочки взялись за руки.

— Давай играть в куклы, — позвала Галя.

— Давай.

Она привела сестричку в свой уголок и указала, которые куклы будут ее, а которые не ее. Книжки тоже, которые ее, а которые не ее. И гостья раскрыла корзинку с игрушками, привезенными с собой. Чего здесь только не было!

— Вот, бери! Это — тебе, а это — мне. Это — тебе, это — мне. А это опять тебе...

Оля подарила Гале все свои лучшие игрушки, а похуже оставила себе. Гале стало очень-очень стыдно. «Как же это? Оля отдала мне самые хорошие игрушки». Она скорее побежала за перегородку, взяла припрятанную куклу, полюбовалась ею и положила перед гостьей.

Папа поднял на стол большой вскипевший самовар. Бабушка вынула из печи пироги.

— Ну, дети, садитесь к чаю, — сказала мама.

После чая Галя и Оля, тепло одевшись, взяли санки и пошли на ледяную гору, где давно уже шумела детвора.





ТЕЛЕФОН

Как только Ванин папа стал председателем колхоза, к ним в дом провели служебный телефон.

В первый же день Ваня с папой говорил семь раз. Папа на правления, а мальчик из дому.

— Ты что делаешь? — спрашивал Ваня.

— Работаю, сынок, работаю, — отвечал папа. — А ты чем занимаешься?

— У телефона стою.

— А зачем ты стоишь у телефона?

— Жду, когда ты позвонишь...

— Мы с тобой уже много раз говорили. Время позднее, на улице холодно: попроси тетю, чтобы она уложила тебя в постель. Скоро мама придет.

Ваня бережно кладет трубку на рычажок телефона.

Идет к своей постели. Тетя живет в другой половине дома, просить ее незачем. Он сам влезает на кровать, поднимает одеяло и начинает качаться на матрасе: вверх-вниз, вверх-вниз... Не скучно, когда в доме телефон. Хорошо бы поговорить с Петей, узнать, что он делает?

И вдруг — звонок. Ваня даже вздрогнул.

— Сыночек, это твоя мама говорит, с фермы.

— Мама!

— Да. Папа мне позвонил и велел тебе позвонить. Ты, Ванечка, слушай, что я тебе накажу. Возьми стул, поставь к печке, осторожно залезь на него и открой духовку. Там тебе ужин оставлен. Если сам не достанешь, попроси тетю. Покушаешь и спать.

— Я тебя подожду, мама.

— Ванечка, сегодня я задержусь. Тут у нас идет собрание.

— Мама, а к Пете можно провести телефон?

— Папа придет, ты его и спросишь. Спокойной ночи, сынок! Ты у меня умный, покушаешь и ложишься.

Ваня неохотно кладет трубку. Не берет он стул, не ставит его к печи и не открывает духовку. Тетю звать незачем — есть не хочется. Надо спросить папу: можно поставить телефон в доме у Пети или не можно?

Мальчик усиленно вертит ручку телефона. На станции знают, кому какой номер нужно.

— Папа?

— Нет, не он. Это дядя Василий, счетовод. Узнал ли?

— Узнал. А где мой папа?

— Куда-то вышел.

Ваня молчит, не знает что сказать. Тогда дядя Василий спросил его:

— Он тебе очень нужен? Придет в правление, я ему передам, он позвонит.

Ваня стал ждать. Слышно было, как за стеной много-много раз пробили часы. Тетя, наверное, уже легла. Где-то жалобно пискнула кошка. «Это Чернушка, — подумал мальчик. — На улице мороз, надо ее впустить».

Обеими руками Ваня взял скобку и налег на дверь. Чернушка пробежала на кухню, понюхала там свое блюдо и одним прыжком вскочила на печь.

Опять Ваня сел к столу. Глаза его так и закрываются,

а спать нельзя: скоро позвонит папа, надо узнать, будет ли телефон у Пети? «Стану рисовать, — сказал он себе, — только не корову, а телефон. А как телефон рисуется? Вот я его как нарисую».

Ваня снял трубку, положил ее на чистый лист бумаги и стал обводить синим карандашом.

Папа пришел домой поздно. Видит, сын уснул, сидя на стуле. Телефонная трубка у него под руками. Хотел он трубку тихонько высвободить да положить на место, но Ваня проснулся.

— Почему ты мне не позвонил? Я ждал, ждал!

— Как же я тебе позвоню, трубку-то ты снял с телефона. Так нельзя, сынок: трубку снимаешь — аппарат не работает.

Тут мальчик понял, почему звонка не было. Сам виноват.



ГОРОХ

Ленькин дедушка Василий Петрович много лет заведует колхозными кладовыми. Сегодня пришел он домой веселый и принес в кармане гороху.

— Ну вот и дождались: на дворе весна-красна, — сказал дед. — Давай, внучек, мы с тобой проверим горох на всхожесть. Скоро сеять.

— Давай, — живо отозвался Ленька. — Только я не знаю, как проверять-то.

— Дело не мудреное, научись.

Наложили они в решето моху, а на мох тряпочку и стали моченый горох укладывать рядками. Заняли все решето, а все, что осталось — Леньке. Раскусывая горошины острыми зубами, он приговаривал:

— Горох-то какой вкусный!

— Потому он и зовется сахарным. Наблюдение за горохом я тебе, внучек, препоручаю. Как будут наклевыв, так мне и скажешь.

Теперь у Леньки немалая забота. То он поставит решето с горохом на полати, то на подоконник, а то к печке. Ищет для него место потеплее.

Весеннее солнце все позолотило в доме: и бревенчатые стены, и угол побеленной печи, и дорожки на полу, и стол, покрытый скатертью. Ленька выскочил на крыльцо, а там с желоба крыши — кап... кап... кап... Он стал ловить капель, и сразу полные пригоршни. Холодная вода попала за рукав, так вот и щекочет.

А тут пришли его друзья Сеня и Гриша, а с ним еще маленький Сенин братик Павлуша.

— Пойдем, Ленька, гулять! На реке лед поднялся, трещит. Грачи прилетели.

— Не пойду. Дедушка велел мне за горохом доглядывать.

— Не убежит горох-то...

— Я знаю, что не убежит, а вот наклевыв будут. Горох-то сахарный...

— Пойдем на маленько.

— На маленько можно. Вот только соберусь, да у мамы спрошусь. Сейчас она с фермы придет.

И верно, у пруда на ветлах-вековушах грачи гомонят, таскают сухие прутья и паклю, торопятся, ремонтируют свои прошлогодние гнезда.

Прибежали ребята на оголившийся берег реки и увидели: река-то пошла полным ходом. Лдины трещат, ломаются. Наползают одна на другую. Встают на ребро, тонут и опять всплывают.

— Я боюсь, — прижимаясь к коленям брата, захныкал маленький Павлуша.

— А ты не бойся, — бодрым голосом сказал Ленька. — На вот палку, брось в воду — и не будешь бояться.

Павлуша бросил палку в реку, и страх у него пропал.

Все вокруг менялось на глазах: косогоры и кручи, где совсем недавно лихо катались они на санках и лыжах, уже почернели, а дальний луг покрылся полыньей! Над разводящими пойм в чистом голубом небе кружились белокрылые чибицы, прилетевшие вслед за грачами.

Из кузницы доносился звон молотков: дзинь, дзинь, дзинь... Меки горнов работают на весь дых. Из открытых дверей вылетают жаркие искры. Ребята видят: на подводе сюда привезли ворох лопат, грабель, мотыг, а от кузницы забирают вновь ошинованные колеса.

— Можно, мы немножко прокатимся? — спросил Сеня. А сам уже на широком полке телеги. Тащит он за собой и Павлушу, подает руку Леньке и Грише.

Возница на этот раз не очень рад детворе — дороги нет, да и меринок молодой, не взыграл бы. То и дело он раздувает ноздри, всхрапывает, бьет копытом, не хочет идти напрямки водой и снежной кашцей.

— Но, но! — понукает лошадь смелый Ленька и тянется к вожжам.

Вот они и у конюшни. С теплых дворов в загоны выпущены жеребята-двухлетки. Конюхи подстригают им гривы, чистят бока скребницами.

Везде ребятам хочется побывать, на все поглядеть. Возвратился Ленька домой усталый, загорелый. Щеки пунцовые. С ним пришли Гриша и Сеня с братиком Павлушей посмотреть, не наклюнулся ли горох. Поглядели, а гороху-то и нет: решето на подоконнике пустое.

Ленька чуть не заплакал. Побежал к кладовым разы-



скивать дедушку. Василий Петрович в одной поддевке помогал женщинам засыпать жито в сортировальную машину.

— Вот обида: горох пропал! — сообщил Ленька.

— Как же пропал! Не может быть... — усомнился Василий Петрович и, прищурив правый глаз под лохматой бровью, с хитрецей поглядел на внука. А потом усмехнулся себе в бороду и что-то гмыкнул.

Ленька сразу покраснел и обиделся.

— Думаешь, я съел? Вот тоже...

— Ничего не думаю...

— Захотел, так бы попросил. Дашь ведь?

— Оно, конечно...

Терять время было нельзя, весной каждый час дорог.

В тот же день, вечером, пришлось им делать другой рассев. Перевернули они мох, поставили решето на пол и сами сели. Укладывают горошину к горошине. Дед молчит и Ленька ни слова.

— Отчего же ты, внучек, невеселый? Гороху-то останется. Хочешь? — спросил Василий Петрович.

— Не хочу.

— Не сердись.

Ленька еще ниже нагнул остриженную голову.

К ужину в доме собралась вся семья. Пришел с поля отец Леньки. Он взял кусок мыла и попросил сына полить ему на руки воды.

— Сегодня помогали нам ребята обкатывать тракторы, выводить из мастерских. А ты что, Леня, не был? — спросил он.

— Я помогал дедушке... горох проращивал, чтобы появились наклевыв... Только он зря думает, что я съел горох.

— Ничего я не думаю, — ответил Василий Петрович. — Я только сказал, может быть, а ты и с жалобой.

— А вот и с жалобой... чтобы ты не думал.

— А мне горох тоже не по зубам...

Разливая чай, мать, улынувшись, сказала:

— Чтобы вы тут не препирались, придется мне указать на вора. Не хотела вмешиваться, а придется...

Дед и Ленька с удивлением уставились на нее.

— Хохлатка собрала в решете горох, вот кто. Выметала я пол, дверь-то приоткрыла, а она, воровка, и заскочила. А чтобы мы на нее не обиделись, покудахтала и сегодня обновилась.

Мать сняла крышку с самовара, в тряпочке вынула сваренное яйцо и положила перед сыном.

Ленька сразу повеселел. Очистил яйцо и разрезал его пополам: одну частичку себе, а другую деду.

— Опять, внучек, не прозевай горох. Хорошенько доглядывай, — сказал ему на это Василий Петрович.



ГОРОДСКАЯ ГОСТЬЯ

У Лиды есть тетя. Вы скажете: что же тут особенного, у каждой девочки есть тетя или дядя. Но нет. У Лиды тетя Герой Труда, на груди у нее Золотая звезда и орден Ленина.

Маленькая Лида недавно узнала об этом. Развернули они как-то с мамой новый журнал, а там большая фотография: во все широкое, скуластое лицо улыбается пожилая женщина, одетая в сиреневое платье.

— Ба-а, да ведь это моя сестра Дарья, — сказала Лидина мама. — За что же ее наградили?

Стали читать, а там написано: доярку Дарью Андреевну Скворцову из колхоза «Ясенки» наградить за большие удои, полученные от коров-ярославок.

Лидина мама вырезала из журнала фотографию сестры да в рамку, под стекло. Теперь, как придет кто в квартиру, девочка показывает:

— Это моя тетя. Летом мы поедем в деревню к ней в гости. Я хочу посмотреть коров-ярославок.

Настало лето. Лидиной маме дали отпуск, и они поехали в деревню.

Провожала их бабушка:

— Ты, внучка, не потеряйся там в лесу. К реке одна не подходи и не купайся — утонешь. Лошадь копытом бы не улягнула. Комары бы не закусали. От собак держись подальше.

Лида из окна автобуса помахала бабушке рукой: ох уж эти наказы. Она не маленькая.

До Ясенков недолго им пришлось добираться: ехали поездом полсуток, да часочка два пароходом по реке, вот они и у тети.

И началась у Лиды жизнь на приволье. Побежит в луг — насобирает там всяких цветов. Спустится под гору, к реке, на песчаные отмели — полные карманы ракушек да камешков. В роще за околлицей появились земляника и подберезовики.

Деревенские подружки заводили ее: и туда пойдем с нами и сюда пойдем. Показывают птенчиков в гнездах и всяких зверюшек.

Все это хорошо, вот только тетя Даша не такая, как на фотографии в журнале: думала девочка увидеть тетю нарядной, а она каждый день в простом платье с выцветшей косынкой на голове и в тапочках на босу ногу. К вечеру появится дома, когда переночует, а то и нет. Когда истопит печку, а когда и нет.

— Вы тут, сестрица, без меня управляйтесь. За домом приглядывайте.

Лида спросила:

— Тетя, а где же ваша Золотая звезда и орден?

— В коробочке до поры и времени. У нас, племянника, все так в колхозе на работу ходят. Так-то вольготнее.

— Как это, вольготнее?

— Попроще оденешься, дел больше поделаешь.

— А когда же на ярославок поглядеть можно?

— Да в любое время. В лесном лагере они. Целое стадо. Приезжай с Костюшкой на полдник, вот и увидишь.

— На какой на полдник?

— Когда мы их доить будем.

— Приеду, — ответила девочка и стала собираться. Причесала белесые кудряшки. Надела панаму с широкими полями от солнца. Затянула на дырочку потуже ремешки на сандалиях.

— Вот я и готова, Костя.

Костя — это меньшой сын Дарьи Андреевны. Скуластый, в мать, с облупленным носом. Виталий — средний, в армии. Есть еще сестра Сима, та учится на агронома. Костя в доме за главного. С утра воды принесет, дров наколет, позавтракает — и на конюшню. Запряжет вороную лошадь и направляется с бидонами в лагерь, на полдник. И так каждый день: туда с пустыми бидонами, оттуда — с молоком. Парнишка он смирный, тихий, но вот беда — неразговорчивый. Лиде хочется обо всем узнать, а он скажет — «да» или «нет» и молчит.

— Ты, Костя, дайка и некайка.

— Чего?

— Только дакаешь и некаешь.

— Зря языком молотить нечего.

— Ты мне брат?

— Ага. Двоюродный.

— Ну так вот: дай мне вожжи.

— Сразу и лошадью править. Она тебя не послушает.

Воронуха с виду лошадь хорошая, а ленивая. Ее хлестнут, а она отмахнется хвостом и опять идет — не торопится. Побежит, когда ее Костя кнутом достанет. Тогда бидоны на телеге толкаются, дребезжат.

— Тебе хорошую лошадь не дают? — сказала Лида.

— За молоком и эта хороша.

— А на грузовике бы скорее.

— Само собой. Только грузовики на другом деле. Колхоз-то у нас не маленький. Коровы, свиньи, овцы, куры. А земли пашется столько, председатель за день на «Победе» не объезжает. Видала нашего председателя, Петра Петровича?

— Это который вчера у нас в доме был? Строгий такой?

— Он не строгий. Если кого и побранит, так за дело. Я его уважаю.

— А он тебя?

— Ну, много ты хочешь знать. Слезай, приехали.

* * *

Первое, что увидела Лида в лагере, — у березового лесочка паслись коровы. Сколько их, и не счесть, как тетя говорила — целое стадо: сто да еще сто, да еще столько же. Сами они черные, а мордашки у них белые и хребтины у некоторых белые.

— Ой, вот какие ярославки!

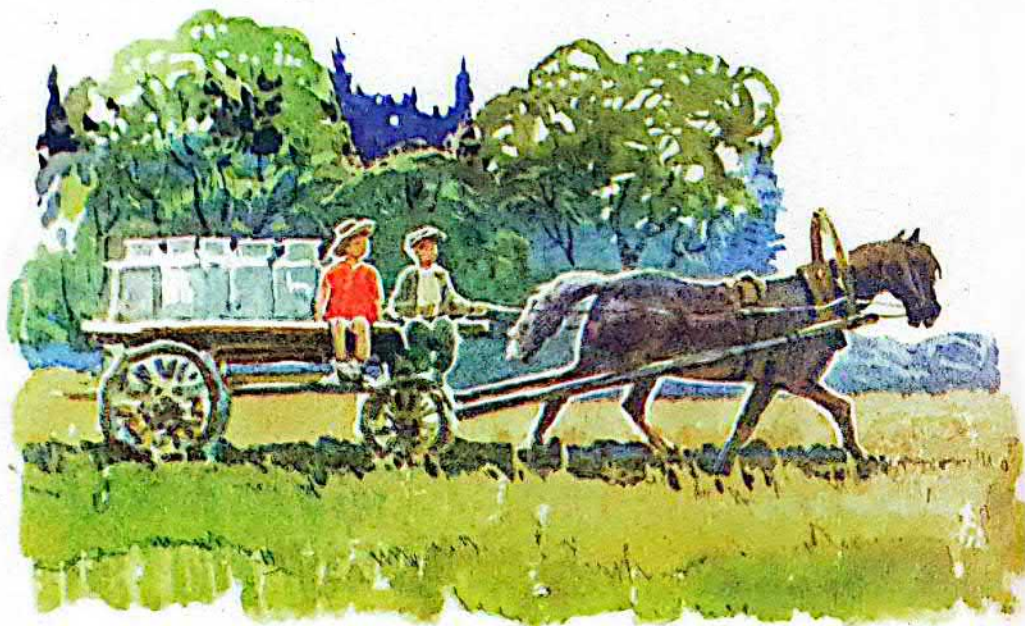
— Не подходи близко, есть бодачие, — предупредил Костя.

— Какие? — не поняла Лида.

— Поддадут рогами, узнаешь какие. Ступай к дояркам.

Он указал на одинокое строение с краю леса. Оттуда навстречу Лиде выбежала тетя Даша, проворная, хлопотливая, руки у нее по локоть голые, сильные.

— Приехала, племяненка? Видишь, какой у нас домик-теремок под березами?



Тетя привела Лиду в домик и усадила за стол. Много тут было людей — две скамейки занимали.

— Вот какая у меня гостя-то, — обращаясь к женщинам, сказала Дарья Андреевна.

Девочке налили кружку холодного молока. Отрезали ломоть хлеба да еще отрезали пирога с луком. Поесть-то очень хотелось: дорога не ближняя, да и время обедать.

Лида выпила молоко, осмелела, еще попросила. Налили ей из другого бидона сверху, одних сливок.

Лида огляделась: что же внутри домика? Увидела застланные нары, в углу шкафчик с посудой, на шкафчике тикают часы. На стене зачем-то ружье и веревка.

Костя, задав травы Воронухе, тоже пришел сюда. И ему нашлось место за столом. Когда поели, Дарья Андреевна сказала:

— Ну, а теперь к ярославкам.

Доярки надели белые халаты, взяли подойники и с шутками-прибаутками пошли к стаду. Лида увязалась



за ними: для того ехала, чтобы увидеть, какой такой полдник.

За стадом смотрит пастух — коренастый, рыжебородый Егор Кузьмич. Он с водопоя подгонял отстающих коров, а серо-бурый пес Шатун, величиной с ягненка, гавкая, помогал ему.

— Все ли коровы пришли? — спросила тетя Даша.

— Как будто все. Считал, считал да и заморился, — утирая пот с лица, ответил Егор Кузьмич.

— Хорошо ли накормлены?

— Да ведь они у меня, Дарья Андреевна, на ключах паслись. По траве там медовая кашка.

— Коли так, спасибо: удоям прибавка. Иди на отдых.

Егор Кузьмич с длинным кнутом и медным рогом. Сейчас он в этот рог в лесу трубил. А еще через плечо у него холщовая сумка. Утром он в нее кладет хлеб да сало, да огурец.

Жара, а пастух в пиджаке и войлочной шляпе. Лида подумала: не заболел ли, так укутался? А тетя ей шепнула:

— Встает он чуть свет. Уводит коров далеко. Утром-то от росы холодно. А то поднимется ветер, да еще с дождем.

— Ему страшно одному?

— А пес. Вона какой он!

— Ага. Большущий, — согласилась девочка и вспомнила наказ бабушки: подальше держаться от собак.

Тетя все объяснит, не то что Костя — дакалка и некалка. С тетей хорошо. Вот они и на стойле. У каждой коровы под навесом свое место. Столбы и загородь из жердей побелены известкой. Земля посыпана песком. Чистота.

— Нравится тебе, племяненька, наше хозяйство?

— Нравится.

От первых струй молока там и сям зазвенели подойники. И тетя Даша села на скамеечку доить ярославков. Доит и Лиде все объясняет:

— Нагулялись коровы по лугу да по лесу. Всех вот подоим, так бидоны и наполним. Полднейкой удой спустим в погреб, на лед, а утренний Костюшка отвезет на завод. А там из молока масло собьют.

— Тетя, а где погребок?

— Приехала, так все увидишь. Дождись. Я тебе еще самого лучшего бычка Стручка покажу.

— Какого?

— Сынка вот этой Сороки.

Лида обежала весь лагерь, увидела и погребок, куда женщины спускали тяжелые бидоны с молоком. Из дверей подземного погребка приятно веяло холодком. Постоишь тут и, как бы тебе ни было жарко, остынешь. Побывала она и у бычка Стручка. Телята паслись отдельно, и загон для них особый, на самом окрайке леса. А дальше девочка побоялась идти.

Конечно, в таком лесу и заблудишься. С окрайки прямо начинаются овраги, заросшие малинником и буйным папоротником, а по склонам ели и сосны вверх сомкнулись кронами и скрыли небо: здесь и днем, как вечером.

* * *

Пока Лида навещала Стручка да прохлаждалась у погреба, Костя в полное свое удовольствие купался в реке: нырял, плавал саженьками, а то лежал на воде неподвижно, задрал вверх облупленный нос.

Только он пришел с реки чистенький да свеженький, тетя Даша послала его за овсом и викой.

— Пока Егор Кузьмич свободен, поможет тебе, — сказала она.

Пастух не замедлил прийти с вилами и веревкой. Воронухе опять всунули в рот удила.

Лида не прозвала:

— Костя, я на возу хочу покататься.

Парнишка не хотел было брать сестренку, да Егор Кузьмич заступился:

— Пусть съездит девочка. Небось в городе таких подвод нет. Там автобусы да троллейбусы.

Накошенный с викой овес недалеко, всего лишь проехать вырубки. Егор Кузьмич, поддевая вилами, подавал копны, а Костя, стоя на телеге, принимал. Как только воз наложили и крест-накрест связали веревкой, Лида запросилась на самую макушку.

Костя забоялся:

— С такой высоты упадешь, рук ног не собрать.

А Егор Кузьмич опять заступился за девочку:

— Зря пугаешь. Воронуха тихая, смирная. Сам на возу, а маленькая побежит. Не стыдно ли тебе?

Пастух приподнял Лиду и поставил на широкую спину лошади. А с лошади-то девочка сама вползла на воз. Да и Костя, хоть и не хотел сначала, а помог, поддерживал сестренку за локоть. Понадежнее усадил рядом с собой.

Воз на колесах закачался. Сердечко у Лиды заколотилось, а тут ничего — страх прошел. Зато с воза, как с самой высокой вышки, видать вокруг все-все: крышу навеса и загородку, домик-теремок, где живут доярки. А еще дальше — еловая роща, река. А по берегу народу сколько!

— Костя, что там делают?

— Опять в расспросы. Заезжаешься, скувырнешься.

— Не заезжаюсь. А ты скажи, что там?

— Ну, луг выкашивают для наших ярославок. К вечеру у реки стога будут.

— Костя, а во-о-он там что делают? За рекой?

— Столбы ставят: электричество в лагерь проводят. Скоро коров будут доить машиной, от электричества.

— Вот и врешь! Электричество только светит!

— Это у вас в городе только светит. А здесь и хлеб обмолачивает, и тес на стройку пилит, и воду на скотные дворы качает, и жмых дробит, и на мельнице камни крутит.

Парнишка разговорился — не унять. «Вот так дакала да некалка», — подумала Лида.

У стойла тетя Даша сняла девочку с воза-вышки прямо на руки.

— Везде, племяненька, побывала, все увидела?

— Еще хочу.

— А еще в другой раз.

* * *

Лида зачастила в коровий лагерь. Костя пойдет на конюшню закладывать лошадь, и она бежит впереди него. Сядет рядом с братом на охалку клевера, прислонится

к бидонам, — на такой подстилке, как на подушке, мягко и не трясет.

Костя нет-нет да и разговорится:

— Зря сегодня поехала. Копалась бы в огороде с матерью. Облака хмурятся, попадешь под дождь, так узнаешь.

— А что узнаю-то?

— Может, и гроза захватит. В грозу дожди проливные.

— Надо бы зонт взять, — спохватилась девочка.

Парнишка отвернулся и фыркнул в кулак. Лида обиделась:

— Я тебе, Костя, сестра, а ты надо мной смеешься!

— Разную чепуху не говори. Кто же за коровами под зонтом ходит.

Только они приехали в лагерь, а там переполох: корова на водопое забодала телку Лебедуху. Забодала не до смерти, а только острым рогом поранила ее.

Тетя Даша, увидав своего Костю, закричала:

— Гони скорее на Воронухе за ветеринаром, телку надо спасать.

— Ну вот, так уж сразу.

— Сразу, сразу.

— Верхом, что ли?

— Как скорее. В лечебнице ветеринара не найдешь, скачи на ферму. А если там нет — на овчарню.

— Ладно, — ответил Костя.

И заторопился. Выпряг лошадь. Сел на нее верхом и, нахлестывая, поскакал так, что из-под копыт полетели комья земли.

Тетя Даша в рябенькой кофте бегала в кустах у водопоя. Платок у нее с головы сбился. Волосы перепутались. Тут она и увидела Лиду:

— Приехала? Ну, гуляй здесь. Некогда мне с тобой заниматься-то.

Лида увидела телку Лебедуху. Лежала она в кустах, вытянув голову. Поглядывала на всех большими глазами и жалобно мычала.

Егор Кузьмич, сбросив поддевку, пеленал телке ноги, чтобы она не вставала и не брыкалась, а доярки гладили ей мордашку:

— Красавица наша! Хорошая наша! Больно тебе?

— Кровь надо остановить, — сказал пастух.

У Лиды защемило сердечко и на больших серых глазах выступили слезы. Но заплакать она не успела — тетя Даша послала ее на перекресток.

— Как увидишь ветеринара, дядю Сергея, укажи ему путь, чтобы он не блуждал. Поняла?

— Поняла, — отозвалась девочка и припустилась бежать на перекресток.

Здесь дороги расходились. Из-под руки надо смотреть в одну сторону и надо смотреть в другую сторону. Как бы не проглядеть да не прозевать. Дядю Сергея Лида знает. Прошлый раз он поймал ей в траве зеленого кузнечика.

Из-за леса всплыла туча и закрыла полнеба. Ветер зашумел листвою. Девочка подумала: Костя говорил о дожде, наверное, сейчас разразится. Поежилась она и, придерживая панаму за поля, спряталась под дерево. Но



туча прошла мимо. Гроза на том и кончилась. Опять стало палить солнце.

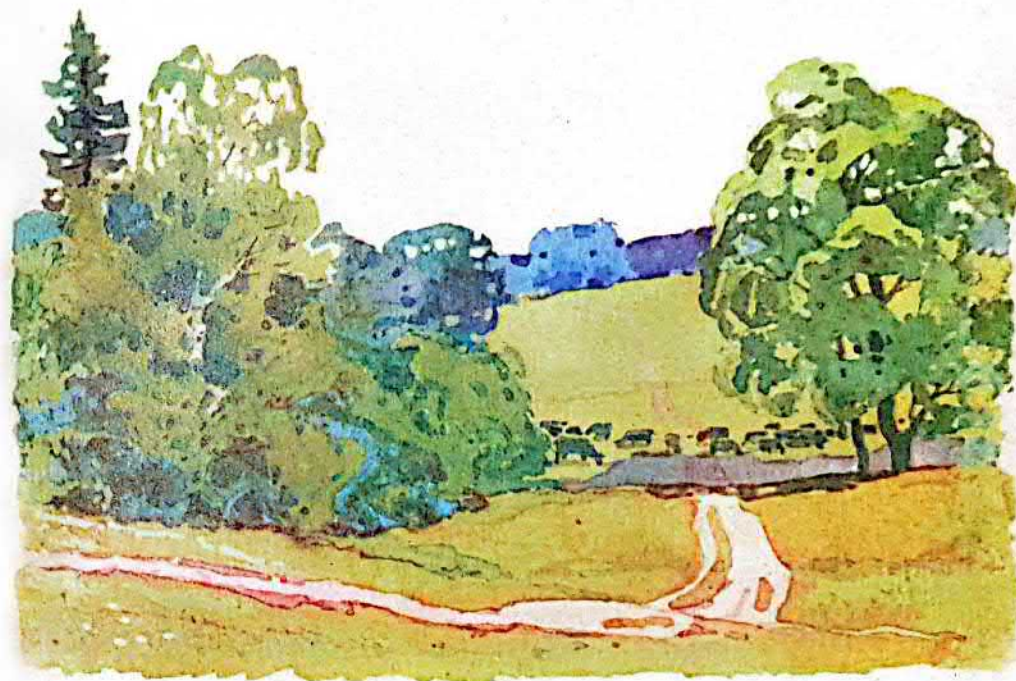
Лиде захотелось студеной водички. Увидев на обочине дороги овражек, она хотела туда спуститься и вдруг услышала мотоцикл. В серой гимнастерке, с сумкой через плечо, а на сумке синий крест, появился дядя Сергей.

Лида обрадовалась, побежала ему навстречу. Он посадил девочку с собой, и они вмиг очутились в кустах у водопоя, где их ждали.

Осмотрев телку, ветеринар сказал: рана неглубока, хорошо, что остановили кровь. Сейчас он поработает иглой, и Лебедуха со временем будет такая же гладкая, какой и была.

Доярки вздохнули с облегчением. И тетя Даша повеселела: в стаде не будет урона. Теперь все беспокоились о Косте. Где он? Что с ним?

Лида примечала: когда тетя Даша очень уставала,



делалась сердитой, строгой. Стоило Косте появиться, как она отругала его.

— Что же ты, ворон там считал?

— А коль скорее, так лошадь бы загнал.

— Запоздал, будешь почевать здесь, а завтра две дороги.

— Мне все равно, где почевать. Вот только с Лидой как быть?

— Не знаю, как быть, — сердилась тетя Даша.

А Лида запрыгала, завертелась: «Буду почевать! Буду почевать!» Ей очень хотелось побыть в лагере хоть одну ночь.

* * *

К вечеру в лагере запищали комары. И откуда столько их набралось! Лида побежит немножко да присядет на корточки, спрячет голые ноги, а потом опять побежит. Так она добралась до молочного домика-теремка.

На крыльце к ней подскочил было Шатун, но девочка отогнала его:

— Ступай от меня, бессовестный! По карманам нос суешь.

Доярки в домике засветили лампу с жестяным щитком и повесили на стену. Как только подошел Егор Кузьмич, стали ужинать. С собой посадили и девочку.

— Комары проклятые надоели, — пожаловался пастух.

А доярки посмеялись:

— Дымком их. Костерок держите подле себя.

— Как бы сидеть на одном месте, или костерок ходил бы за мной...

После ужина Егор Кузьмич надел ватник, подпоясался веревкой. За пазуху сунул кусок хлеба для собаки и ушел в ночь к загону, стеречь ярославок.

Лида сама поела и о Косте позаботилась:

— Где же он будет почевать?

— У него своя постель, — ответила тетя Даша.

Девочка побежала посмотреть, какая такая у Кости постель? А он набросал в телегу березовых веток,

натрусил сена и укрылся пиджаком. Рядом ходила спутанная Воронуха, пощипывала траву.

— Почему ты, Костя, не хочешь в домике спать?

— Мне здесь хорошо. Ступай от меня.

Лида ушла. В домике на нарах прижалась к теплому боку тети и сразу уснула.

В коровьем лагере все стихло, но вдруг Шатун залаял на весь лес. Затем Костя услышал голос Егора Кузьмича: «Эй, кто там не уснул, шли бы ко мне!»

Костя подумал: что-нибудь не ладно. Побежал к своим, постучал в раму.

Окно открыла Дарья Андреевна:

— Ты что нас тревожишь?

— Пастух зовет. Ружье заряжено?

Косте в окно подали ружье, и он пропал. Разговор услышали другие доярки. Что бы такое могло быть с коровами или с телятами?

Проснувшись и Лида. Сразу она никак не могла понять, где находится. Протирая кулаками глаза, спросила:

— Где моя мама?

Тетя Даша прижала ее к себе.

— Дома твоя мама. Спи, детка, не тревожься.

— А я где?

— Ты у нас в лагере, в домке-теремке.

Лида продолжала тереть глаза кулаками. В это время у стойла раздались один за другим два выстрела. Шатун еще громче залаял. А тут все стихло.

Костя опять появился под окнами. Передал ружье, пахнувшее пороховой гарью.

— Что там, сынок?

— Волки.

— И много?

— В темноте не сочтешь. Егор Кузьмич вовремя заметил. Кнута не бояться. А как услышали ружье — убрались.

— Поди отоспись, а то ты совсем замучился.

Тетя Даша после этого переполоха уже не ложилась. Дояркам наказала:

— Поглядите за моей гостьей. Пойду больную Лебеду проведу. Что там с ней делается?

И ушла. Где тетя Даша досыпала эту ночь, никто не

знает. Только с рассветом опять всех подняла на утреннюю дойку коров.

Доярки заспешили на стойло, а Костя стал готовить Воронуху. Егор Кузьмич с погреба наставил в телегу столько бидонов с молоком — места не осталось для возницы.

— Я могу и за телегой идти, — сказал Костя. — Вот только бы Лиду посадить.

Бидоны потолкали, передвинули, нашлось место и для седоков.

В дороге Лида ежилась от утренней прохлады; поспать вдоволь все же не удалось. Повязала ее тетя Даша теплым платком. Но как солнце поднялось над лесом, как роса сошла, так и потеплело. Птицы загомонили.

— Я слышала, как ты стрелял из ружья, — сказала Лида.

— Ну, слышала и ладно, — ответил Костя.

— Убил волка?

Костя вздохнул и замолчал: сколько раз вот так приходилось — трахнешь из двух стволов, а мимо.

* * *

Быстро у Лиды пролетел месяц, и то не месяц, а двадцать четыре отпускных маминых дня.

Стали собираться домой. На стульях и на подоконниках появились банки и горшочки, кульки и пакетики: Лидина мама в свободное время собирала грибы и ягоды. Помогала ей и Лида.

— Ой, сколько мы всего привезем папе и бабушке! — радовалась девочка.

А Костя сегодня с утра грустный, молчаливый, настоящий дайка и некайка. За все это время не очень-то он был любезен с двоюродной сестренкой, а когда она стала собираться, пожалел:

— Осталась бы.

— Ты, Костя, теперь приезжай к нам в гости, — сказала Лида.

— Коровий лагерь закроют, вот тогда.

— А когда его закроют?

— На зиму. В зимние каникулы, может, и приеду.

— Будем ждать, — сказала Лидина мама.

Когда все пакетики, баночки и свертки уложили в чемодан и рюкзак, тут появилась быстрая и проворная тетя Даша.

— Вот как совпало-то! И мне наказано ехать в район, — с порога сообщила она. — Немного я вас провожу, а там и на совещание.

— Ты не из-за нас ли? Доберемся мы до поезда и без помощи, — сказала Лидина мама.

— Нет, нет. Совещание у нас важное, — ответила Дарья Андреевна и стала собираться. — Ну, Костя, где же моя коробочка с орденом и Золотой звездой?

Паренек открыл посудный шкаф, затем приподнял крышку сахарницы, достал коробочку, выложенную внутри красным бархатом.

Тетя Даша надела платье с веселыми цветочками, модные туфли, собрала в тугую пучок светлые волосы и заколола их гребнем. На груди у нее поблескивала Золотая звезда и орден Ленина.

Вот теперь Лида увидела свою тетю такой, какой она была на фотографии.



СОДЕРЖАНИЕ

КОМЕТЕК — 3
РЫЖИК — 14
БНЯ-РЫБОЛОВ — 20
СТАРШИЙ БРАТ — 26
ТОНКОНОГИЕ ОПЕНКИ — 29
САЗАНЧИКИ — 34
СЕСТРИЧКИ — 39
ТЕЛЕФОН — 42
ГОРОХ — 45
ГОРОДСКАЯ ГОСТЬЯ — 49

♦♦♦

Рисовал С. А. КУПРИЯНОВ

♦♦♦

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Александр Федорович Шишов

СТАРШИЙ БРАТ

Редактор А. И. Стройло. Художественный редактор Е. А. Ельская. Технические редакторы В. А. Андеева и В. А. Пресображенская. Корректор Н. Д. Бучарова.

Сдано в набор 24/1-74 г. Подписано к печати 5/IV-74 г. Формат бум. 70 x 100/16. Физ. печ. л. 4,0. Усл. печ. л. 5,16. Уч.-изд. л. 3,95. Изд. инд. ЛД-462. Тираж 150 000 экз.

Цена 30 коп. Вум. № 2. Зак. № 179. Ш 70802-271
М—105(03)74—229—74.

Издательство „Советская Россия“ Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Фабрика офсетной печати № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Дмитров Московской области, Московская, 3.

30 коп.



СОВЕТСКАЯ РОССИЯ